ния, что подтверждает прогноз А. Файоля о том, что менеджеру необходимо иметь два высших образования – одно по специальности и второе – управленческое.

На наш взгляд, все вышеозначенные тенденции элитного трафика являются признаками формирования новой «российской политико-административной элиты», генетически не связанной с советской политической системой. В настоящее время процесс ее институциализации еще далек от своего завершения, хотя контуры новой модели вырисовываются достаточно четко. Как показывают результаты проведенных исследований, идет естественный демографический процесс смены поколений политико-административной элиты. На смену «постсоветской политико-административной элите» приходит поколение, чья политическая социализация проходила в Российской Федерации, что неизбежно повлияет на идеологию и характер политико-властных отношений и административный стиль управления государством.

Список литературы

Афанасьев, М.Н. Клиентелизм и российская государственность. Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – М., 2000.

Аюпов, М.А. Региональные особенности политико-трансформационного процесса. – Уфа, 2003.

Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество. – М., 2004.

Фарукшин, М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Политические исследования. – 1994. – № 6.

© Латыпов Р.Ф., 2009

В.В. Кочетков

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

КОЧЕТКОВ Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра прав человека и ювенальной юстиции Российского Государственного социального университета (e-mail: vovov69@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматривается актуализация социального вопроса в постиндустриальном обществе. В эпоху постиндустриальной революции социальный вопрос формулируется не вокруг критерия владения/невладения собственностью, а доступности знания – основного ресурса новой эпохи. Такое понимание социального вопроса, по мнению автора, позволяет выработать верную траекторию преодоления последствий современного мирового кризиса.*

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, неолиберализм, десолидаризация, социальное государство, демократия, социальный вопрос.*

В современном общественном мнении существует предрассудок, который можно описать как безусловное доверие к любой новой технологии, не важно – производственной или социальной. Считается, что новая техника и знания обязательно ведут к экономическому и социальному прогрессу, а значит, к новым возможностям для роста потребления. На самом деле блага индустриализации стали доступны многим только после десятков лет пауперизации и ожесточенной классовой борьбы. Решение социального вопроса возможно при распространении демократических прав на всех граждан национального государства и создании общественной собственности, которая, как и частная собственность для класса имущих, стала гарантирующей основой существования для лиц наемного труда. Именно социальное государство как своеобразный инновационный институт смогло направить в справедливое русло бурный поток стихийной рыночной индустриализации. Этот процесс сопровождался беспрецедентным расцветом науки и техники. Это яркое пятно и осталось в коллективной памяти граждан развитых стран. Именно такая абберация «близости» и стала причиной шока от столкновения с будущим (по тонкому замечанию Э. Тоффлера), который возник с зарождением постиндустриального общества. Вместо дивного мира, который был обещан апологетами высокотехнологических и финансовых компаний, развитые страны столкнулись с массовой безработицей, падением уровня доверия граждан друг другу и к государственным органам, которые в условиях глобализации привели к десолидаризации общества и появлению так называемых новых бедных. Последние представляют собой беспрецедентное явление в западной истории, поскольку они имеют работу и получают зарплату, не позволяющую им полноценно интегрироваться в общество.

Таким образом, постиндустриальное общество сталкивается с новым социальным вопросом. Под ним мы понимаем рефлексию общества по поводу причин и условий проявления массовой социальной уязвимости, что может привести к десолидаризации, к угрозам для существования общества и государства.

Итак, что же понимается под «постиндустриальным обществом»? «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышения качества жизни. …в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания. Постиндустриальное общество… предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»[1]. Когда оно возникло? Э.Тоффлер и Х. Тоффлер относят его возникновение к 1958 г., когда впервые число «белых воротничков» и обслуживающего персонала превзошло число «синих воротничков» сначала в США, а затем и в других развитых странах Запада[2].

Основоположники теории постиндустриального общества выделяли три этапа в истории человечества. Д. Белл писал о доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном обществах. Э.Тоффлер для придания большего динамизма говорил о Первой, Второй и Третьей волнах человеческой истории. Действительно, бурное развитие индустрии в первой половине XX в. привело к тому, что сектор услуг стал доминировать как с точки зрения количества занятых в нем работников, так (правда не сразу и не везде) и по доле в валовой национальной продукции.

Почему рост производительности труда приводит к таким парадоксальным результатам? Чтобы ответить на этот вопрос, надо пояснить, что под сферой услуг в теории постиндустриального общества понимают как услуги, непосредственно связанные с производством (транспорт, строительство и торговля), так и финансовые страховые услуги. А также услуги по социально-культурному обслуживанию населения (туризм, шоубизнес, СМИ). И наконец, общественные услуги (здравоохранение, образование и административные службы). Последние демонстрируют бурный рост, начиная с середины XX в. Во всех этих сферах и видах услуг подавляющее большинство занятых сильно отличается от представителей классического рабочего класса, во-первых, тем, что это, как правило, женщины и, во-вторых, тем, что образ их жизни не зависит от ручного труда или манипуляций машин. Большую часть времени они живут в мире информации и управленческой иерархии, т. е. бюрократии*. Кроме того, они не могут обходиться без технических компетенций и знаний.

---

[1] *Bell, D.* Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. – 1967. – N 7. – P. 102.

[2] См.: *Тоффлер, Э., Тоффлер, Х.* Революционное богатство. – М., 2008. – С. 18.

* Вопрос о перспективах рабочего класса встал в полный рост именно в период становления теории постиндустриального общества из-за изменений в структуре занятости населения. Считать ли инженера или врача, учителя или банковского клерка рабочим на основании марксистского критерия владения/невладения

Таким образом, выделение знания в качестве движущей силы нового социума есть существенная черта теории постиндустриального общества. Д. Белл определяет знание как «совокупность субординированных фактов или суждений, представляющих собой аргументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным другим людям с использованием средств связи в определенной систематической форме. Таким образом, я отличаю знания от новостей и сообщений развлекательного характера. Знание состоит как из новых суждений (исследований), так и новых изложений уже известных суждений (учебников)»[1]. Х. Тоффлер и Э. Тоффлер пишут: «В повседневном употребление слово ”знание“ – это краткое обозначение всего, что мы считаем истинным… Но только наука представляет собой самокорректирующее знание»[2]. Именно научное знание в условиях постиндустриального общества становится основным ресурсом производства, управления, культуры в новых исторических условиях.

По сравнению с другими ресурсами, знание обладает некоторыми специфическими чертами. Первая – знание по своей сути не является конкурентным ресурсом, т. е. оно общедоступно. Им могут пользоваться одновременно многие. Вторая черта – знание как таковое суть нематериально. Третья – знание накапливается нелинейно, то есть благодаря открытиям и озарениям оно скачкообразно растет. Четвертая черта – знание относительно, т. е. каждый отдельный фрагмент знания приобретает значение только в системе других фрагментов, создающих контекст. Пятая – знание может соединиться с другим знанием, то есть оно коммулятивно. Чем больше знаний, тем более разнообразны и полезны их комбинации. Шестая черта – знание является самым мобильным ресурсом. Седьмая – знание может быть сжато до ряда абстракций и символов, то есть оно компактно. Восьмая черта – знание неисчерпаемо и накапливается с возрастающей скоростью. Но самые главные характеристики знания как такового – это его уникальность в отличие от товаров, на которые существует рыночная цена, а также его избирательность. Под последней особенностью понимается доступность знания только тем, кто в соответствии со своими способностями или образованием может его усвоить, а значит, обладать знанием и его использовать. Иначе говоря, знание – элитарно, несмотря на то, что общедоступно, прежде всего, благодаря системе образования. Тем не менее именно знание, согласно мнению Д. Белла и Э. Тоффлера, становит-

средствами производства? Ответ на это вопрос расколол левое движение Запада. Я считаю, что такая постановка вопроса в условиях отделения собственности от управления, когда даже рабочий в традиционном смысле слова через систему пенсионных и взаимных фондов является собственником или акционером своего или другого предприятия, просто устарела.

[1] *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – С. 235.

[2] См.: *Тоффлер, Э., Тоффлер, Х.* Революционное богатство. – С. 182, 187.

ся непосредственной производительной силой постиндустриального общества.

Необходимо еще раз отметить специфику данного решения социального вопроса эпохи индустриализма. Концепция социального государства считает возможным достигнуть справедливости и солидарности в обществе посредством вмешательства демократически легитимированной власти ради сохранения и роста капиталистического способа создания богатства. В качестве способа решения социального вопроса в индустриальном обществе социальное государство избрало (не случайно, а под давлением парадигмы «экономического человека») в конечном итоге гарантирование своим гражданам определенного уровня потребления через трансферты и дополнительные выплаты некоторым категориям населения. Поэтому в своем развитом виде социальное государство предстает как «государство всеобщего благоденствия».

Что происходит, когда появляется такой феномен, как «постиндустриальное общество»? Считаю, что основоположникам этой теории удалось зафиксировать и описать классический случай «непредвиденных последствий». Несмотря на то что они не фиксируют прямую связь социального государства и возникающего постиндустриального общества, им удалось концептуализировать точку бифуркации современного общества, а именно формирование приоритета теоретического знания как основного экономического, социального и политического ресурса. Именно осознание этого факта является конституирующим фактором появления на арене истории новых классов – технократов или бюрократов и обслуживающих их потребности ученых. Теперь самоопределение класса реализуется не только и не столько в процессе производства, что было характерно для индустриального общества. Как пишет Д. Белл: «В конечном итоге класс [теперь] означает… систему, установившую основополагающие правила приобретения, владения и передачи различных полномочий и связанных с ними привилегий»[1]. Более поздние исследователи, работающие в рамках парадигмы постиндустриализма (например, Р. Инглегарт, В.Л. Иноземцев) стали обращать внимание на формирование в постиндустриальном обществе системы постматериалистических ценностей. Причем некоторые прямо связывают появление этого феномена с деятельностью социального государства. Так, Р. Инглегарт пишет: «Причиной межгенерационного перехода от материалистических ценностей к постматериалитическим послужила беспрецедентная экономическая и физическая безопасность, характеризовавшая послевоенный период»[2]. Что значит система постматериалистических ценностей? Это значит, что у граждан западных стан

[1] *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – С. 485.

[2] *Инглегарт, Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. – М., 1999. – С. 252.

стали меняться ценностные ориентации: преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни, то есть о состоянии экологии, уровне медицинского обслуживания и образования подрастающего поколения. Это приводит к росту требований к социальному государству, которое из-за своей бюрократической природы не способно их удовлетворять и адекватно реагировать на новые ситуации.

В этой точке происходит обострение противоречия между методами и целями социального государства как самого инновационного проекта в истории, и появляются новые угрозы для солидарности постиндустриального общества. В чем они заключаются? В сужении пространства для демократического воспроизводства солидарности и в подрыве соответствующего дискурса. У элиты возникает соблазн перейти к неполитическим, то есть бюрократическим, способам выработки консенсуса. Естественно, что такое положение дел влияет на представление граждан о справедливости – этой осевой идее при конституировании солидарности. Учитывая основополагающий характер демократических ценностей для западной цивилизации, в индустриальном обществе социальный вопрос решался через гарантирование государством определенного уровня потребления, что создавало условия для воспроизводства гражданина, способного принять участие в демократическом процессе. В постиндустриальном же обществе обычно считается, что ситуацию включенности в новую экономику знаний можно попытаться создавать через систему образования. Но знание как общественное благо не только обладает качеством общедоступности (неконкурентности), но и свойством избирательности, то есть его могут усваивать и тем более развивать далеко не все. Можно даже сказать, что решение социального вопроса в истории человечества шло от борьбы за конкурентные ресурсы, которая была частично разрешена с помощью институтов социального государства, к ситуации, когда ресурс общедоступен, но не все могут его использовать. Эта ситуация придает необыкновенную остроту социальному вопросу в постиндустриальном обществе.

Таким образом, бюрократизация социального государства порождает неспособность адекватно реагировать на нужды общества, которое им порождено. На высшей стадии его развития – этапе государства всеобщего благосостояния, когда ведущей темой демократического дискурса становится коллективное благоприятствование «социально невключенным» группам населения, – эмпирически становится очевидно, что происходит десинхронизация формы социального государства и масштабов постиндустриального общества, которое с точки зрения социальности суть общество всеобщего наемного труда. Именно тогда так называемому среднему классу становится понятно, что государство не может быть источником благосостояния. В обществе социально равных позитивная дискриминация и политика включения приводит к росту напряженности

и десолидаризации социума. Да и знание – основной ресурс возникающей новой экономики и политики – также по своей природе недемократично. Иначе говоря, возникают серьезные угрозы идеалам равенства и свободы, на базе которых была сконструирована солидарность западного общества эпохи модерна. Поэтому в новых условиях социальный вопрос будет формулироваться следующим образом: как добиться ситуации неисключения массы граждан из новой «экономики знаний» и тем самым снизить массовую уязвимость большинства населения, существующего за счет наемного труда. Или, другими словами, как можно предотвратить десолидаризацию общества, ставшую возможной вследствие «избирательности» знания как такового и порождаемого этой ситуацией неэквивалентного обмена.

Каковы же перспективы наемного труда в этой связи? Если раньше в индустриальном обществе наемный труд противостоял собственникам средств производства, то сегодня он все больше концентрируется в сфере услуг, где на самом деле нужна даже более низкая, чем в производстве, квалификация работника. В.Л. Иноземцев считает, «что сервисной современная экономика является в большей мере по числу занятых в третичном секторе, нежели по доле создаваемого в ней общественного продукта»[1].

Таким образом, судя по всему, грядущее новое общество окажется разделенным на сферу самозанятости таланта и сферу услуг/производства для неодаренных индивидов. Преодолеть эту поляризацию постиндустриального общества возможно, только отталкиваясь от институтов социального государства, при этом высвобождая солидарность общества от опеки бюрократии и развивая самозанятость всех категорий граждан, так как, к счастью, новые информационные технологии это в принципе позволяют. Какие формы примет этот процесс в конечном счете – зависит и от уровня развития современной социальной науки. Теория постиндустриального общества, безусловно, является одним из ее краеугольных камней.

Список литературы

Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.

Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества. – М., 1998.

Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. Революционное богатство. – М., 2008.

© Кочетков В.В., 2009

[1] *Иноземцев, В.Л.* За пределами экономического общества. – М., 1998. – С. 231.